

В.Л. Храмова

Ментальные предпосылки украинского парадокса

Определяются господствующие ментальные установки мировосприятия и миропонимания украинцев, их влияние на исторические судьбы народа, охарактеризованы специфика формирования украинской психики, ее архетипы. С этих позиций анализируется Оранжевая революция наших дней, сопоставляется ментальность украинцев и россиян. Показаны культура Киева как своеобразный и в своей целостности еще не изученный феномен, общие для украинцев и россиян философские и литературные традиции, в частности на примере Н.Бердяева и Н.Гоголя, значение русского языка для украинцев как пути в духовную культуру человечества.

Суть украинского парадокса, как известно, состоит в том, что, невзирая на высокий фундаментально-научный и научно-технологический потенциал, а также на очевидную склонность наших соотечественников к демократии и частной собственности, Украина на переломе тысячелетий терпит сокрушительное поражение в попытках трансформации социума по западному образцу. В чем причина сложившейся ситуации? Прояснению вопроса, мне кажется, может содействовать обращение к ментальности народа.

Ментальность — известная «психологическая оснащенность» представителей некоторой этнокультуры, позволяющая сознанию интегрировать хаотический поток разнообразных впечатлений в целостное мировидение. Оно и определяет, в конечном счете, поведение человека, социальной группы, общества, вследствие чего субъективный ракурс общественной динамики органически включается в объективный исторический процесс.

При этом проницающий психику «образ мира», определяющий мировосприятие и миропонимание, а следовательно, силу импульса созидающей энергии и ее направленность, не сводим к четко отрефлектированной сознанием системе мыслей. Он задан и на под-

сознательном уровне, формирующем мир воображения, а также глубинные модели автоматизированных реакций на унаследованной морально-этической и ценностной основе. Имплицитный характер подобных автоматизмов сознания делает их особо прочными и, в сущности, неискоренимыми. Они далеко выходят за рамки материально-классовых интересов либо государственных программ всяческого рода «перестроек» и нередко оказываются производными от жизненных ориентаций, психологически заданных традициями, которые передаются из поколения в поколение языком, религией, воспитанием, примером окружающих. В силу этого ментальные установки всех уровней — от идеино-теоретического до обыденно-эмоционального и подсознательного — должны стать неотъемлемым компонентом структуры исторического объяснения.

Специфику нашего менталитета как одну из причин провала демократических и рыночных преобразований можно разглядеть прежде всего при четкой духовно-цивилизационной самоидентификации, при осознании принципиального различия в психологических регулятивах жизнедеятельности католико-протестантского Запада и православного Востока в рамках единой макрохристианской социокультурной целостности (см. разделы Ю.В.Павленко в [1]).

В соцэкогенетике Запада заложена целенаправленность на массовую актуализацию бешеної энергии в стремлении к обогащению и ажиотажному потреблению, что обусловило рыночную мотивацию высшего порядка: коммерческий успех стал не только условием комфортной жизни, но смыслом бытия, ориентированного на прибыль ради еще большей прибыли. Однако при всей аморальности и бессмысленности (с нашей точки зрения) подобной погони за деньгами североатлантическая цивилизация сохраняет нравственную устойчивость. Это обусловлено западнохристианскими религиозной и рыночно-этической традициями. Хотя протестантизм, к примеру, и полагает обогащение знаком божьего благоволения, он предостерегает от раскрытия в ловушке престижного потребительства. Чрезмерная роскошь, провоцирующая морально-бытовое падение, недопустима. Столь же «нерентабельны» ложь и предательство в «честном» бизнесе, опирающемся на доверие.

Соцэкогенетика Востока и отвечающая ей духовность формируют иную мотивацию жизнедеятельности. Вроде ничего особенного, чего не ведали бы просвещенные народы, в истории нашей и не было. И все же —

...брэзжил над нами
Какой-то божественный свет,
Какое-то легкое пламя,
Которому имени нет.

(Г. Адамович)

Этот божественный свет озарил жизненный нерв православной культуры — самосозидание личности с целью благодатного преображения души, исполненной невиданной чуткости и жертвенной любви к ближнему. Поэтому знак божьего благоволения — не внешний успех, как в лютеранской Реформации, а подлинность, духовность бытия.

К сожалению, после революции 1917-го этот духовный аристократизм был замещен «плебейством» — научным атеизмом, доведшим протестантское «обмеление европейского духа» (Ф. Ницше) до немыс-

лимых размеров и завершившим путь немецкого интеллектуализма (от Канта — к Гегелю и от него — к Марксу). Казалось, навсегда было утрачено Абсолютное, которое не извлекается из собственных недр, а вспыхивает в глазах Другого, которое присутствует в жизни как «растворенье нас самих во всех других, как бы им в даренье» (Б. Пастернак).

Однако времена меняются. И сегодня в иной (но не менее гнусной) ситуации — чуждой нам, занесенной западным ветром перемен безумной жажды наживы и апологии стяжательства — свою компенсаторную функцию должна выполнить подлинная культурообразующая жизнедеятельность, обладающая высоким духовным потенциалом, бердяевская «первозжизнь», когда обретшее смысл индивидуальное бытие становится благом. Сквозь непроглядную тьму существования человек обязан осознать свою самость, сущностное «Я», а следовательно, и собственное предназначение. Только прозрев, он способен зажечь свечу, возрождающую померкший божественный свет, то безымянное «легкое пламя», которое наделяет нас великой силой различия добра и зла, подвигает на мяteжное самостояние, нравственный подвиг утверждения веры среди безверия, поиска космической гармонии в мире хаоса, дерзкой и высокой мысли среди безмыслия, трепетной, романтической любви в мире безлюбия и ненависти.

Духовность православия исключила массовую актуализацию в Украине (как и в России) глубинной энергии в стремлении к обогащению как явлению контркультурному, аморальному. Откровенная бесстыдная погоня за деньгами для нас — позорное исключение, а не правило, удел худших, а не лучших. Жизнь во имя прибыли ради еще большей прибыли может вызвать лишь безглядную тоску, обернуться торжествующим злом, а не добром. Ко всему, поскольку в православии стя-

жательство безоговорочно осуждается, оно не опускается до корректировки мотиваций рыночно-коммерческого обогащения. Отсюда — и неуклюжий, истерично-нетерпеливый «безудерж карамазовский» (Ф. Достоевский) при попытках следовать малопригодным рецептам чужих экспертов, позорное поражение в реформаторских начинаниях, обернувшихся западней «чужой идентичности». Навязанный нам извне «бег в никуда» способен привести лишь к нравственному разложению, погубить таящийся в талантливом народе огромный и пока на востребованый творчески-созидательный потенциал, актуализация которого чревата невиданным духовным взлетом и прорывом в будущее.

Духовность православного Востока органично связана с чувственно-эмоциональным характером, «кордоцентричностью» славянской души, что относительно понижает роль рационально-волевой компоненты и повышает значимость рефлексии в соответствующих проявлениях жизнедеятельности. Это значит, что объективный результат затраченных усилий теряет самоценность и обретает интерес, особую весомость только как импульс для интенсивных переживаний, создающих известное настроение вплоть до аффективного состояния. Подобное «иррациональное» отношение к предметной действительности ориентирует не на прагматистски- utilitarное ее преобразование, а скорее — на ее интериоризацию, обращение в ингредиент внутреннего микрокосма.

Безусловно, высокая украинская эмоциональность, чуткость и лиризм, проявляющиеся, в частности, в эстетизме народной жизни и обрядах, в артистизме натуры, в прославленной песенностии, в своеобразном мягкем юморе и прочем — это дар божий, определяющий человечность и выступающий основой творчества. Но сила эмоций ослабляет Ratio и оттого превращается

подчас в кару божью. Вместо активного участия в решении наболевших социально-экономических, общественно-политических и культурных проблем «український розспіваний Пер Гюнт, задивлений в прекрасну Льореляй власної душі, топиться в настроях і пливе за водою...» [2].

Однако «релятивный перевес» рефлексии в психической структуре украинцев (как и россиян) не означает, что их предметные ориентации лишены активно-деятельностного начала. Оно не только имеет место, но в определенных обстоятельствах, эмоционально воздействующих на психику, чудесным образом обращается в сверхактивное, обеспечивающее радикальное преобразование реальности. Очередной «малый Апокалипсис» истории сменяется, как правило, энергетическим взрывом, предопределяющим исторический реванш. Надругательство, непереносимость позора пробуждают в народе дремлющую силу, способность к подвигу и жертве во славу отечества, что сочетается подчас с появлением сильного авторитарного лидера, способного направить в рациональное русло пассионарную энергию масс.

В относительно мирное время чувственно-эмоциональный характер украинской души нередко действительно мешает взвешенной и последовательной целенаправленной деятельности (в результате всплеска отрицательных эмоций, вплоть до аффектов). Но в иных случаях, эмоционально окрашивая замысел, содействует страстному, напряженному труду, что выступает залогом успеха. Еще интенсивнее это происходит в ситуациях, когда самоформирование, нравственное совершенствование происходит в трудовом процессе или же любимая творчески-созидательная работа, как бы специально дарованная тебе свыше, вызывая энтузиазм, приносит наслаждение.

Высокая рефлексивность «загадочной» славянской души ведет к поражающей западноевропейские народы непрактичности, отсутствию расчетливой рыночно-коммерческой мотивации. В пришед-

шем с Запада судорожно-тоскливом беге за деньгами ради еще больших денег мы в массе своей неконкурентоспособны. Ведь ажиотажное обогащение и потребление не только не наполняют жизнь смыслом, но, напротив, лишая ее духовности, обращают в бесмыслицу. Конкурентоспособность мы способны обрести только при опоре на собственные традиционные моральные абсолюты и культурные ценности, синтезированные с компетентностью на уровне мировых научных стандартов. В частности, призыв к сквородинскому «сродному» труду как сфере самореализации и самосовершенствования, в которой человеческая сущность, гармонично раскрываясь, оказывается соразмерной существованию, может привнести столь необходимый энтузиазм в преобразование нашей печальной действительности, пробудить пока не востребованную творчески-созидательную энергию подлинной культурной элиты нашей страны, обеспечив желанный результат. Конечно же, при этом недопустимо попирать достоинство личности нищенским обеспечением, напоминающим материальное вознаграждение ученых в гулаговских «шарашках», о которых рассказал А.И. Солженицын.

Таким образом, украинская ментальность в целом, как и российская, фундирована православной духовностью, «кордоцентричностью», что и предопределяет повышенную рефлексивность и ограничивает роль Ratio в pragmatistски-утилитарной трансформации мира. Это привело к отечественному парадоксу на рубеже тысячелетий, к неожиданному провалу души в демократически-рыночном реформировании как украинского, так и российского общества. Однако в рамках единой социopsихологической культурно-цивилизационной целостности существуют и принципиальные различия в жизненных ориентациях двух братских народов, обусловивших, в частности, разновекторность их нынешнего политического развития. Они формировались под влиянием ряда специфических факторов — географическо-

го, исторического, социологического, культуроморфического, глубинно-психического.

Рассмотрим факторы, существенно повлиявшие на становление украинской души с соответствующими установками мировосприятия и миропонимания, ответственными за выбор будущего. Предельно коротко их можно охарактеризовать следующим образом.

В геопсихическом аспекте «вчувствование» в волнообразную мягкость лесостепи либо в бескрайние степные дали как «движение в бесконечность» содействовало развитию созерцательных установок, окрашенных «эросом» (Платон) — любовью к абсолютному. Аналогичные установки присущи и российской ментальности.

В историческом становлении украинской психики особое место занимает экзистенциально-пограничное состояние последней, сложившееся под влиянием соответствующей геополитической ситуации в Украине. Постоянная угроза смерти, случайность, обязательность терпения в жизни украинца вели к двум типам реакций: “*vita maxima et heroica*”, или авантюрно-казаческому (в идеальном продолжении — с появлением энтузиастической компоненты, преодолевающей антиномию «Я» и предмета восприятия), и “*vita minima*”, или затаенному существованию, сопровождавшемуся душевным «самозамыканием», сужением контактов с миром.

В социопсихическом плане следует иметь в виду особую склонность украинцев к созданию малых социальных групп-сообществ, опирающихся на чувственно-эмоциональную близость (в отличие от крупных социальных объединений — союзов, фундированных общей целью и соответственно общими задачами). Этим сообществам присущи рефлексивные установки, ориентированные на самоуглубление и самопознание, и одновременно — на адекватное восприятие и понимание интимного круга.

«Культуроморфический» фактор формирования психики украинца (как и россиянина) связан с периферийностью Украины (и России) относительно Западной Европы. Это привело к тому, что три великих вала идея европейского духа — римский католицизм с идеей «ордо» (порядка жизни и мысли), Ренессанс как возрождение человеческой личности (персонализм), столетие Простоительства с культом науки (сциентизм) — пришли в Украину, как и в Россию, существенно измененными. Католическая идея «ордо» не сопрягалась с православным «кордоцентризмом» и потому была обойдена; персонализм из апологии предметной экспансии человека вовне обратился в ориентацию на интенсификацию внутренней жизни, «вбирающей» мир; сциентизм, интерпретировавший знание как силу для овладения природой, трансформировался в учение о знании, формирующем человека с опорой на благостную идею Правды как Истины и Справедливости. Подобная ситуация содействовала становлению у украинцев и россиян активно-рефлексивной установки на самоформирование и соответственно созерцательно-рефлексивной установки на самонаблюдение.

Наконец, обратимся к коллективному бессознательному как существенному фактору становления украинской ментальности. Согласно К.Г. Юнгу, коллективное бессознательное формируется в качестве определенных неосознаваемых реакций на постоянно воссозидающиеся специфические условия существования. А закрепляется — в некоторых прообразах, праформах, подсознательно детерминирующих поведение и мышление человека. Ученый называет их «архетипами». «Архетипы,— отмечает он,— есть типичные способы понимания, и всюду, где мы встречаем одинаковые и регулярно воспроизведимые способы понимания, мы имеем дело с архетипами...» [3]. Так вот характернейшим архетипом украинского

коллективного бессознательного является образ ласковой плодородной Земли, опиравшийся на многовековой опыт сосуществования древнейшего земледельческого народа с добной Кормилицей-Землей. Позитивное глубинно-психическое оптимально обеспечивает деятельность психики как целостной саморегулирующейся системы сознательных и подсознательных процессов. Это дает возможность продуктивно использовать энергию всей психики, что принципиально расширяет ее возможности, создает условия для особого творческого процесса, завершающегося «прозрением» гармонии Вселенной, ее «музыки сфер». Умение слушать подсознательное (в инсайтах, сновидениях и т.д.) обеспечивает наивысшую продуктивность работы сознания, которая эффективно отражается и на предметном освоении мира [4, 5].

Архетип плодородной ласковой Земли, наряду с прочими факторами, лишает психические установки украинца агрессивной экспансионистской активности, однако зовет к продуктивному сотрудничеству с природой, оптимистически окрашивая и тем самым усиливая активную предметную установку.

В результате специфика формирования украинской психики обусловила такие ее важнейшие особенности: способность к героическому сверхнапряжению жизненных сил в критической ситуации (противоборство с недругом, творческий взлет и т.д.) и одновременно — затаенность, скрытость как возможную реакцию на давление обстоятельств; склонность к созданию малых групп-сообществ, объединенных чувственно-эмоционально, а не крупных «союзов» с единой целереализацией; положительное коллективное бессознательное. Они-то в существенной мере и определили своеобразие мотиваций жизнедеятельности наших соотечественников. Остановимся на этом подробнее.

* * *

Социальный феномен «малого сообщества» («спільноти», «гурту»), объеди-

ненного чувственно-эмоциональной теплотой взаимоотношений и принципиально отличного от социального феномена широкомасштабного «союза» на основе единства интересов, был предпосылкой формирования известной индивидуалистской психологии украинцев («моя хата з краю...»), противоположной коллективизму россиян. Господствует мнение, что эта психология, исключая становление и активную деятельность «союза», стала серьезным препятствием на пути создания национального государства в прошлом, да и в наши дни замедляет прогрессивную поступь державы.

В целом индивидуализм, которому отвечает индивидуальная форма целеполагания, сменяющая коллективное целеполагание первобытного рода (где цель — общая потребность), — явление положительное. Он выступает предпосылкой появления субъекта-личности, которая, интериоризируя социально-коммуникативную базу, способна к сознательному построению гражданского общества в традициях европейского пути развития.

Восходит этот индивидуализм к глубокой древности, к социально-экономической системе древних славян, базировавшейся на хозяйственной и общественной автаркии отдельных родовых хозяйств, объединявшихся в общину, которые, в свою очередь, входили в состав племен и племенных объединений (например племенных княжеств предгосударственного периода Киевской Руси). Хуторское расселение родов в лесостепных и лесных ландшафтах формировало на нынешней территории Украины общеевропейский тип домохозяина-собственника, который выступал субъектом общественно-политических отношений. В сложных жизненных перипетиях, полагаясь на себя и членов своей семьи, он одновременно умел уважать права, честь и достоинство каждого члена общества.

Кроме того, прочные связи с античной, позднее — с византийско-восточнохристианской цивилизацией и мусульманско-иудейским Востоком содей-

ствовали трансформации начального языческо-мифологического мировоззрения древних славян, готовили почву для христианской индивидуализации сознания, прежде всего киевских полян-русов (основных контрагентов иностранных купцов на водном пути «из варяг в греки», на караванном маршруте из Центральной Азии в Западную Европу).

Наконец, в отличие от западных европейцев, славяне лесостепной Украины непосредственно граничили с весьма агрессивными кочевыми народами Великой Степи, «Дикого поля» (Скифское царство, Хазарский каганат, позднее — Золотая Орда), что обусловливало особую нестабильность быта, жизни в условиях спорадических, непредсказуемых набегов кочевников, непредопределенности будущего, коварной роли случая, зачастую таящего смертельную угрозу либо поизненное рабство.

Все эти факторы формировали своеобразный тип человека-воина, со временем — казака, защитника своего дома, веры и отечества, опору старииков, женщин и детей, полагавшегося на судьбу и удачу, собственную смелость и находчивость, искреннюю дружбу и преданность. Меркантильным расчетам и материальному стяжательству в такой жизни места не было, их презирали и отвергали. Наивысшей ценностью на этой земле полагалась Воля (Свобода), которая исключала даже иерархически-субординативную личную зависимость в рамках каких бы то ни было властных авторитарных структур. В соответствующих воинских объединениях признавалась лишь относительная власть выборных глав-атаманов (ситуация в корне изменилась только в конце XVIII века — после ликвидации Российской Гетманата, Запорожской Сечи и Крымского ханства).

Антропоцентристское мироощущение с некоторыми нотками трагизма индивидуальной судьбы углубляется

укорененными в психике украинца идеями равенства и недопустимости насилия власти. С «интроверсией» своеобразного «матриархатного» стиля семейной жизни в подсознательное украинца уже в детском возрасте входит идея равенства «детей» Матери-Украины, глубоко укореняющаяся в его психике, и одновременно — недоверие, недоброжелательность, даже враждебность к насильственной власти, которую олицетворяет взыскующий и наказующий отец.

Эти установки не только сохраняются, но даже усиливаются в зрелом возрасте. Власть для украинца — всегда насилие, с которым добровольно смириться невозможно. С ее падением, как правило, наступает анархия. Ибо инстинктивная ненависть к власти («Отцу») дополняется установкой на равенство сыновей Матери-Украины, которое немыслимо нарушить. Уж лучше — пусть каждый будет «сам собі пан, і жоден не вибивається над іншими». Отсюда и комичная ситуация с двумя украинцами, среди которых три гетмана. Благороднейшая идея, порожденная человечеством,— идея равенства, поднимаясь из глубин подсознательного, подчас гасила светильник разума своих носителей. Овладевая психикой, она нередко отрицательно влияла и на исторические судьбы Украины, порождая анархические настроения, вела к неумению установить и удержать власть в своих руках.

Соединение индивидуализма с идеей равенства и недопустимости властного насилия — пожалуй, наиболее устойчивый инвариант украинской психики, а следовательно, и национального характера в течение всей трагической истории Украины. Отсюда — непреодолимое и безудержное, органичное и массовое стремление к Свободе, Воле, которое вспыхивает пламенем вновь и вновь. Его невозможно загасить никакими морями крови, ибо украинец по своей природе не приспособлен к ка-

кой бы то ни было форме тоталитаризма — фашизму, «реальному социализму», а также к авторитаризму и олигархии.

По свидетельству ведущих историков и культурных деятелей (Прокопий Кесарийский, М. Костомаров, П. Кулиш, В. Антонович, М. Грушевский и др.) украинский народ испокон веков в ситуациях волеизъявления был предан последовательно демократическим формам общественно-политической жизни и совершенно не восприимчив к распространенной долгое время в Европе и России идее «цезарепапизма», абсолютной монархической власти одного из своих «братів-корманичів», который вдруг обернулся бы «наместником Бога на земле». Вероятно, это и не позволило нам в свое время создать державу, подобную соседним. Сегодня, к счастью, иные времена — демократический парламентаризм доказал историческую ограниченность монархического своееволяния и олигархической формы государственного управления. Выстрадав возможность привести в соответствие организационные формы политической, социально-экономической, культурной жизнедеятельности народа с его ментальными установками, мы обязаны построить суверенное государство, которое отвечало бы традиционным представлениям украинцев о Воле, Правде, Доле (Судьбе). Кстати, не имеющим ничего общего с содержанием известной уваровской формулы государственного устройства России — «самодержавие, православие, народность».

Определяющее понятие — *Воля*. Она имманентна личности, которая в принципе не может раствориться в «союзе» с его культом «общности». Оттого украинская «воля» не исчерпывается волей присоединения к «союзу», в котором «патриарх» или олигархическая верхушка, будто бы осознавая необходимость, ведет к начертанной цели, а на деле — осуществляет экономическое и политическое господство. Личностная воля — это воля для меня и теперь, это воля максималь-

ного самоосознания, самосовершенствования и самореализации на основе трудовой этики — высокой работоспособности в области «сродного» труда и ответственности за его результаты. Она может быть ограничена только свободой волеизъявления Другого.

Мне кажется, в лице А.Д. Сахарова (как и всех «узников совести») было доказано, что даже в «коллективистском» XX веке не коллектив, каким бы он ни был — патриархально-общинным, социалистически-массовым или оппозиционно-единым, — выступает центром исторического процесса, а мыслящая и чувствующая, прозревающая и ошибающаяся творческая личность в ее высоком самостоянии, которая бросает вызов веку и князьям его и протягивает руку людям, открывая им сердце. Сегодня на повестке дня стоит осознание личности как олицетворения мирового процесса, как основной магистрали истории, на которой прогрессирует человечность. Формирование человека при учете его космических предпосылок, антропогенеза и самотворчества завершается утверждением личности — монады, микрокосма, презентирующего, воплощающего макрокосм, исполняющего вселенскую драму Духа, пролагающего дорогу в будущее.

Правда объединяет истину и справедливость. Социальная справедливость, согласно традиционным представлениям украинцев, весьма отлична от идеально-го коммунистического мируустройства в его якобы извечно российском варианте, отвечающем справедливости православия. Риторика на эту тему сводится исключительно к утверждению распределительной функции плановой экономики,ющей на «процентной основе» «равно» поделить знания, прибыль и прочие блага. В целом она апеллирует к коллективистскому национальному сознанию россиян, однако и здесь ее успех весьма сомнителен. Дело в том, что указанное толкование справедливости не является безоговорочным даже для рос-

сиян: во-первых, оно не учитывает опыт Русского Севера, донского, терского, яицкого, сибирского казачества, стольпинские проекты земельных реформ и т.д.; во-вторых, игнорирует общеизвестный факт — православное христианство обращено только к личности и лишь через ее посредничество, в идеале,— к собору личностей.

Украинец же подобное толкование Правды вовсе не воспринимает. Справедливость для него — не равенство при распределении духовных и материальных благ, а равенство «детей» единой Матери — Украины, то есть равные социально-правовые условия для каждого, кто начинает свой жизненный путь. А далее, поскольку существует «равное неравенство», все зависит от конкретного человека, от его врожденных и приобретенных путем самоформирования способностей, позволяющих своевременно распознать «сродный» вид деятельности. Самореализация обеспечивается только собственным желанием, волей и разумом, а не какой-то внешней силой — Богом, «патриархом», обществом. Только от тебя зависит удовлетворение твоих подлинных потребностей. Высокая трудовая этика украинца не позволяла ему идеализировать нищего. Чаще он воспринимался как «нероба», а не «божа людина». Сегодня безысходную тоску по стабильному, неподвижному, без риска коллективному нищенству застойных времен испытывает только одна социальная прослойка, впрочем, проникающая все общество — это прослойка маргиналов, не укорененных глубоко в отечественной культуре, без нужной профессиональной квалификации, а потому — и неконкурентоспособных, то есть прослойка, вынужденная семидесятилетней политикой социальной селекции.

Доля (Судьба) в народном сознании мистически не окрашена. Это, скорее, свободный «выбор» своей жизни, принципиально не подчиненной «со-

юзу». Судьба у каждого своя, зависит от врожденных и приобретенных воспитанием возможностей, от человечности с ее взлетами и падениями. Соединение Воли и Правды — залог счастливой Доли как самоутверждения личности в процессе труда по призванию, результаты которого принадлежат прежде всего чувственно-эмоциональной общности, то есть семейному кругу, и только опосредованно, на основе правового регулирования, — «союзу», гражданскому обществу с соответствующими государственными институциями.

Власть «союза»-государства необходима только для обеспечения Воли, Правды и Доли человека, выступающего мерой всех ценностей. Построение подобного государства — это не тяжкий кровавый путь к невыразительной цели-мечте, предполагающий обязательное самоотречение, жертву (аскезу), а конкретная ориентация на устранение либо преобразование тех явлений общественно-политического строя, которые мешают счастью каждого. Речь идет о построении парламентарно-правовыми методами суверенной демократической Украины, отвечающей духу нации, гарантирующей права и защищенность исторически ставшей особы в экономической, социальной, политической, культурной сферах. Успеха в этом можно достичь, только сознательно опираясь на волю и разум, умело соединяя их с присущей нам эмоциональной страстью, сдерживая, контролируя чувства, когда они становятся помехой во взвешенной и последовательной, целенаправленной деятельности.

Индивидуализм в соединении с проницающей психику украинца идеей равенства и недопустимости насилия со стороны властных структур, а также связанные с этим, заложенные в соц-экогенетике частнособственнические устремления, казалось бы, обеспечивали Украине (подобно Венгрии и

Польше) оптимальные социопсихологические стартовые условия на пути демократических и рыночных преобразований. Однако столь желанный «прорыв» в Европу не состоялся, очередное «чудо» не было явлено миру.

Дело в том, что в отличие от Венгрии и Польши Украина 90-х годов минувшего века несла на себе мету «посттоталитарного синдрома». Падение Киевской Руси, уничтожение Гетманата и крепостничество в период российской колонизации, позорное рабство в послеоктябрьский период перекрыли европейский путь развития нашей стране, путь, отвечавший потребностям национального менталитета. На традиционные психо-поведенческие архетипы была наложена «евразийская» матрица мировосприятия и миропонимания с абсолютной доминантой тотального подчинения по вертикали, восходящей к имперскому центру. В создаваемых с азиатской жестокостью алгоритмах жизнедеятельности не было места самоценной и самодостаточной личности, ответственной за историю своего народа и собственную жизнь. Украинская этнокультурная ниша была подвергнута страшному разрушению: нивелировались извечные ценности свободы, чести, достоинства, совести, а в период «реального социализма» — и частной собственности как условия личной независимости. Выживание предполагало не только социопсихологический и политико-экономический конформизм, но и полную удовлетворенность рабством. В результате украинские традиции демократии и рынка к началу 90-х годов XX века оказались в зачаточном состоянии, они сохранились в сущности лишь на глубинном уровне внутреннего «Я». Это обстоятельство существенно ограничило возможности революционного реформирования.

И все же вырвавшаяся наружу, безудержная жажда Воли была столь велика, что народу удалось не только покончить с тоталитаризмом, но и как будто бы преодолеть авторитарные тенденции в

государственном строительстве. Пере-ломным моментом в этом процессе стала Оранжевая революция, чрезвычайно любопытный, неоднозначный феномен в нашей новейшей истории.

Сегодня мы уже располагаем известной реконструкцией эффективных политических технологий, внесших свою лепту в победу оппозиции над властью осенью 2004 года [6]. В системе западных либерально-демократических ценностей, юридически закрепленных нормами международного права, единственной и безоговорочной легитимацией власти является ее поддержка большинством народа через свободное волеизъявление граждан в ходе общенародных выборов. Но это означает, что стремящаяся к власти политическая группировка посредством технологических манипуляций общественным мнением должна прежде всего узурпировать свободный выбор общества, «приватизировать свободу», сделать ее «управляемой». Для этого начинается многофазовый планомерный процесс нагнетания ожидания чуда-катаариса как счастливого перерождения общества в результате победы оппозиционеров, противостоящих партии власти. Целенаправленно разжигаемый экстаз усиливается сопровождением эстрадно-музыкальных шоу. Любое препятствие на этом пути (в нашем случае — официальное объявление фальсифицированных результатов президентских выборов) становится детонатором мгновенного и массового взрыва негодования, перерастающего в эйфорию, в радостную готовность идти до конца, во что бы то ни стало добиться вожделенной победы, чреватой всеобщим благоденствием. На Майдане сотни тысяч людей скандируют: «Разом нас багато! Нас не подолати!» Народ вершит историю...

Зарубежные эксперты в области политической стратегии единодушны в том, что «заказчиком» Оранжевой революции стало правительство США, рвущееся к мировому господству и заинтересованное в предотвращении интеграционных про-

цессов в СНГ, в закреплении за Россией статуса «региональной державы». Американские политтехнологи и дипломаты, несомненно, оказывали помощь оппозиции. Однако она не была решающей и сводилась, в основном, к консультативному сопровождению событий. Поражает то обстоятельство, что Оранжевая революция по внутреннему содержанию, по своему смысловому наполнению была ненасильственной борьбой украинского народа за традиционные Волю, Правду, Долю, а не за членство Украины в ЕС и НАТО. Прозападных лозунгов на центральной площади страны не было, и даже персонально Ющенко стал только формальным поводом к началу революции.

Хаос всегда — необоримо заманчивая и притягательная сила: подобно плоду от древа познания добра и зла, он чреват всеми возможностями Неведомого. Хаос в Украине обернулся Майданом (в широком смысле) — рождением новой украинской нации, способной к социальному творчеству. Одна из возможностей Неведомого стала действительностью, открывающей новый спектр возможностей. «Оранжевая революция — это шанс. И не просто шанс победы на выборах Виктора Ющенко, не просто шанс на проведение политических и социальных реформ. Оранжевая революция — это шанс Третьего Пути: не тоскливо-советско-постсоветского, но и не либерально-западного. Это шанс колossalного социального творчества, шанс на появление новых форм человеческой самоорганизации — как на Майдане, где полмиллиона народу, всем хорошо и ни единого милиционера. Не либерально-западническое «гражданское общество», а «органическая общность». Это вариант такого развития, когда украинское из сугубо локального превращается в универсальное и общечеловеческое»... [7].

Предложенный А. Окарой прогноз возможных последствий Оранжевой

революции, открывающей, в частности, шанс «Третьего Пути» социального развития, безусловно, интересен. Но он требует уточнения понятия «органической общности». Оно восходит к разграничению К. Теннисом человеческой «органической общности» и механически объединяющего людей «общества». Далее эта установка проникает шпенглеровскую концепцию замкнутых социально-исторических миров — «организмов», переживающих восходящую фазу становления — культуру и противостоящую ей нисходящую фазу гибели — цивилизацию.

Известным последователем Шпенглера был Н.А. Бердяев. Он высоко ценит шпенглеровскую постановку вопроса о судьбах человечества, когда «стрелка часов мировой истории показывает час роковой, час наступающих сумерек, когда пора зажигать огни и готовиться к ночи» [8]. Отбрасывая, вслед за немецким философом, основы тривиальной теории прогресса, Бердяев предлагает оригинальное толкование варварства, культуры, цивилизации, эпохи религиозного преобразования жизни как феноменов истории, выражаютих «разные направленности человеческого духа». Цивилизация противоположна культуре, ибо культивирует «жизнь вне ее смысла», то есть вне созерцания вечности и творчества ценностей. Она реалистична, демократична, механична, обнаруживает симптомы варваризации, огрубляя, теряя совершенство форм, созданных символичной культурой. Однако, к счастью, «цивилизация не есть единственный путь перехода от культуры, с ее трагической противоположностью «жизни», к преображению самой «жизни». Есть еще путь религиозного преобразования жизни, путь достижения подлинного бытия» [9]. Это — путь Гоголя, Толстого, Достоевского, а также В. Соловьева, К. Леонтьева, Н. Федорова, самого Н. Бердяева и других.

Однако при некоторой схожести концепций (разграничение органичной культуры и механической цивилизации) Бердяев в ряде вопросов решительно не согласен со Шпенглером. Опираясь на православие, он не приемлет отрицание немецким философом общечеловеческой истории и культуры. В пользу этого свидетельствует его резкая критика Н.Я. Данилевского — русского предшественника Шпенглера. Для Бердяева недопустим дуализм между личным православием Данилевского (связанным с христианским универсализмом, в русле которого разрабатывается русская идея) и его «натурализмом» в истории, обуславившим, в частности, теорию культурно-исторических типов [10]. Согласно Бердяеву, Данилевский ошибочно толкует соотношение родового и видового. Национальное своеобразие культуры не исключает ее общечеловеческой значимости. «Универсально-общечеловеческое содержится в индивидуально-национальном, которое становится значительным именно своим оригинальным достижением этого универсально-человеческого» [11]. Философ солидаризуется с В. Соловьевым, который подверг оструй критике Данилевского в книге «Национальный вопрос в России».

Кроме того, Н. Бердяев в русле отечественной философской традиции (Ф. Достоевский, П. Флоренский, Л. Карсавин, С. Франк и другие) отличает духовную органичность от природной органической целостности общества. По его мнению, эпоха последней безвозвратно ушла в прошлое, оттого любой вариант «почвенничества» бесперспективен. В условиях распавшегося на отдельные существования мира более адекватна ориентация на соборность в Духе. Шпенглеровская природная целостность в обществе — только начальный этап восхождения к духовной общности. «Природно-органическое,— замечает Бердяев,— не есть еще ценное, не есть то высшее, что нужно охранять. Истинная жизнь — творимая жизнь, а не исконно данная жизнь, не органичес-

ки-элементарная, животно-растительная жизнь в природе и в обществе» [12, с.239].

Эта «творимая жизнь» предполагает не устоявшиеся гармонию и порядок, а, словами философа, «подъем и экстаз», мистически, таинственным образом превозмогающие антиномичность света и тьмы, добра и зла. Подобная «органическая» (духовная) общность нации и была явлена на Майдане. Отвечающее ей государство выступает, по Бердяеву, «изнутри положенной социальнойностью». Оно является гарантом не «равенства» и «справедливости» в смысле всеобщей уравниловки, а достоинства личности, ее самореализации как сотворчества с самим Богом по преобразованию падшего мира в евангельскую Палестину, обращения земного меона с его прошлым, настоящим и будущим в ино-бытие — божественный эон как подлинное бытие, что означало бы «исход истории», начало нового — «эсхатологического» — измерения в жизнедеятельности Богочеловечества. Ведь не случайно же киевляне вышли на майдан 21 ноября 2004 года, в день архиепископа Михаила, небесного покровителя Киева, защитника великоукраинской фамилии и всей новой человеческой общности, народа божьего. Может, и впрямь революция стала «онтологическим поворотом», открывшим невиданные горизонты духовно-социальных свершений?..

Однако опустимся на землю. Пока нам не только до «народа божьего», но и до полноценного гражданского общества еще далеко. У Ю. Трифонова есть замечательная статья, обращенная к истории — «Тризна через шесть веков», реквием героям Куликовской битвы. В ней он говорит о многом, что тревожит нас по сей день. Смысл этой битвы, как и нынешнего времени, не в том, что пали стены тюрьмы (это случилось много позже), а в том, что «пали стены страха, и прежнего быть не могло» [13, с.571]. Воли, Правды и Доли Оранжевая революция украинцам не принесла, но авторитарные тенденции в социальном творчестве, надеюсь, преодолела.

В послереволюционный период павшему авторитаризму следовало противопоставить жесткую диктатуру права, что не было обеспечено. В условиях неправедного суда и правового нигилизма общество во всех сферах жизнедеятельности оставалось в регулятивном вакууме. А поскольку свято место пусто не бывает, в стране продолжали действовать позорные регуляторы криминогенности и клановости, предопределявшие заведомую несостойтельность декларируемых замыслов. Власть, работавшая в основном на самосохранение, пыталась «править бал», используя административные рычаги давления и не брезгуя интригами, что вело к ее дискредитации. Поэтому наметившиеся демократические преобразования и рыночные реформы, отвечающие ментальным установкам и поведенческим стереотипам украинцев, и ныне прочерчиваются едва заметным пунктиром в туманном будущем.

Помимо объективных причин сложившейся ситуации (посттоталитарный синдром, регулятивный вакуум и т.п.), существуют и субъективные — некоторые пагубные потенции украинского менталитета. В конце концов хронически не устраивающие нас властные структуры легитимированы результатами выборов, а избирали мы себе подобных.

Выше шла речь о социально-психологических предпосылках демократии и рынка в нашей стране: об индивидуализме украинцев, заземленном на феномене «малого сообщества» и соединенном с идеями равенства (возможностей) и недопустимости властного насилия, а также о склонности наших сограждан к частной собственности как условию личной независимости. Эти особенности психики выгодно отличают нас от россиян с их коллективизмом, веками провоцирующим авторитаризм, таящий угрозу перерождения в тоталитаризм.

Однако приглядимся внимательнее к украинскому индивидуализму, будто бы гарантирующему европейский путь развития. К сожалению, он принципиально отличен от западного. В силу трагических коллизий прошлого (небеги турок, татар, длительное господство иностранных режимов, измывательства советской власти) внутреннее «Я» украинца не в состоянии было интериоризировать абсолютно чуждую ему социально-коммуникативную базу, что необходимо для создания собственной государственности. Это пагубное отторжение, отчуждение от отечественной традиции социального обустройства вело либо к героико-казаческому единоборству с недругом, либо к душевной сокрытости, «самозамыканию», формировало индивидуализм, провоцирующий не консолидацию сограждан, а их разобщенность, недоверие друг к другу, подозрительность вплоть до недоброжелательства (как известно, последнее желание украинца перед смертью — «щоб у сусіда хата згоріла»).

Индивидуализм наших соотечественников, открывая широкую перспективу развития демократии и рынка, одновременно парадоксально закрепляет феномен «спільноти» — узкого семейного круга, преследующего свои особые интересы, зачастую не совпадающие с общим интересом. Отсюда — сегодняшние трудности построения суверенной Украины, синтеза многих малых сообществ в единый государственный союз, гармонизирующий их интересы, четко выраженная клановость и прочие негативные явления.

Убег украинца в малое сообщество, фундированное личной привязанностью друг к другу, теплотой взаимоотношений, существенно обусловлен и своеобразной структурой украинской семьи как носителя традиций в способе восприятия и понимания мира, особым положением в ней женщины, в частности женщины-матери. Украинки актив-

нее представительниц прочих национальностей в социокультурной самореализации, в общественной жизни, подчас поражают своим мужеством (Леся Украинка, О. Телита и другие). Украинский фольклор пестрит ситуациями, в которых жена командует мужем, а иногда — и занимается рукоприкладством, обвиняя его в лени. Именно к женщине-матери обращены глубокая любовь и даже пиетет ее детей в течение всей жизни. Символом Украины является «Україна-мати», «Ненька-Україна», что выражает особый характер патриотизма — преданность детей матери. В религиозной сфере более распространен культ Богородицы, нежели Христа — Богочеловека.

Эти факты объясняются «матриархальным» характером украинской семьи, где практически вся эффективная власть принадлежит матери, которая к тому же полностью берет на себя воспитание детей. Оттого украинец идентифицируется главным образом с матерью, наследуя типичные для женской психики особенности морали, нормы поведения, ментальные установки. Этому отвечают и «кордоцентризм» украинской натуры, связанный с ее чувственно-эмоциональным характером, и феномен «малого гурту», и относительное безразличие к общегосударственным интересам.

Нельзя обойти молчанием и полностью позитивное глубинно-психическое украинцев, их коллективное бессознательное, центральным архетипом которого является образ добréй Кормилицы-Земли. Об его значимости как факторе формирования менталитета нации говорилось выше. Однако сказано не все. В настоящем контексте следует подчеркнуть, что оптимистически окрашенное продуктивное сотрудничество с природой на основе данного архетипа — залог величайшего трудолюбия и работоспособности украинского народа, его умения создавать «рай» вокруг себя. Однако подчас это создание личного «вая» гипостазируется до культа бытоустройства, оборачивается гедонизмом, отодвигаю-

щим государственные интересы на второй план.

Наконец, говоря о субъективных причинах провала демократически-рыночного реформирования Украины, следует подробнее рассмотреть характер рефлексии наших соотечественников как дестабилизирующего фактора рационально-волевого, целенаправленного предметного освоения мира. Выше уже подчеркивалась огромная значимость ее в жизнедеятельности украинцев (как и россиян). Ниже, придерживаясь рубрикации К. Ясперса, попытаемся конкретизировать рефлексивные установки, характерные для наших сограждан.

В целом К. Ясперс выделяет четыре типа психических «направленностей нашего Я» [14]. Прежде всего это предметные установки мировосприятия, ориентированные вовне — на предметы внешнего окружения.

Далее философ выделяет рефлексивные установки, отображающие действительность сквозь призму субъективных переживаний реципиента. Они могут быть: а) пассивными, созерцательными; б) активными, действенными, направленными на изменение или преобразование воспринятого; в) непосредственными. В качестве исключения существуют психические состояния, в которых «Я» в мистическом экстазе сливается с Богом или Космосом. Это так называемая мистическая установка. Наконец, возможна ситуация платоновского эроса, в которой человек ощущает себя охваченным тотальностью, «сущностью мира» (например слияние любящих в чувстве любви). Эту установку, превозмогающую противоположность «Я» и предмета восприятия, Ясперс называет энтузиастической.

В зависимости от характера переживания активно-рефлексивная установка реализуется в нескольких вариантах: 1) переживание наслаждения (например эпикурейцами либо гедониками); 2) последовательное отречение от каких бы то ни было радостей жизни (аскеза); 3) само-

формирование, возможное у так называемых «пластичных натур» (Гегель).

Активно-рефлексивная установка украинца, не склонного к аскезе, весьма часто нацелена на наслаждение жизнью. При отсутствии необходимой «рациональной» самодисциплинирующей компоненты психики она вела в прошлом к помещичьему сибаритству. В послеоктябрьский период подобное проявление активной рефлексии, безусловно, исчезло. Но врожденный оптимизм, существенно связанный с ощущением гармоничности Вселенной и соединенный с юмористическим мировосприятием, обусловил в целом ориентацию на радости бытия, неиссякаемое жизнелюбие нации.

Наряду с активно-рефлексивной установкой на наслаждение среди украинцев распространена и активно-рефлексивная установка на самоформирование. Часто речь идет о самосозидании так называемого «сковородинского человека», который, совершенствуясь, в своей душе ищет лучший мир как сверхкомпенсацию за пагубную реальную действительность. Он бежит «в душу и судьбу», чтобы в конце жизненного пути, солидаризуясь с великим украинским философом, сказать: «Мир ловил меня, но не поймал». Мирская пассивность восполняется духовно-творческой активностью на пути восхождения к Идеалу. Удовлетворение человек получает только в жизни Духа, освобождаясь от груза своих мыслей и чувств, оставаясь равнодушным ко всему привходящему — к хуле и хвале, к успеху и провалу.

Весьма характерной для украинской психики является и непосредственная рефлексивная установка, отвечающая изначальному чувственно-эмоциональному характеру души. Опираясь на самоценность настоящего, эта установка противостоит насилию над непосредственно данной реальностью, которая нередко провозглашается только дорогой в светлое будущее, в грядущий

рай — божий, коммунистический, европейский. Переживаемое мгновение в данной ситуации выступает каким-то окончательным проявлением бытийной целостности.

Непосредственная рефлексивная установка содержит иногда энтузиастическую компоненту, способную перерасти в энтузиастическую установку. Суть ее — в схватывании в относительном — имманентного Абсолютного, в конечном — бесконечного, в ограниченном — безграничного. Душа исполняется эросом — любовью к чувственно-конкретному, несущему свет Абсолютного. Он проникает душу, вызывая энтузиазм самоотдачи бесконечному и безграничному. Этому содействуют и «вчувствование» в бескрайние, уходящие за горизонт степные дали, и подсознательное доверие к «изначальной доброте» — Неньке-природе, и другие факторы.

Наряду с активно-рефлексивными установками на упоение радостями жизни и самоформирование, а также наряду с непосредственной рефлексией, психика украинцев содержит и созерцательно-рефлексивную установку. Именно ей предназначена особая роль в философии Г.С. Сковороды. Согласно его взглядам, основная проблема человеческого существования — счастья конкретного человека — решается только подвигом самопознания, в процессе которого проявляется «внутренний», «сердечный», «единый» человек («человек в человеке», по Ф.М. Достоевскому). Лишь таким образом мы постигаем «петру» (камень) как духовную сердцевину, центр и основу мятежной, исполненной страстями душевной жизни каждого.

Погружение во внутреннее «Я» является одновременно распознанием «сродности» человека определенному типу деятельности, физической или духовной. Это обеспечивает возможность «сродного» труда, который отвечает естественным наклонностям человека, то

есть гарантирует совпадение сущности и существования, или подлинное счастье. Следуя за Эпикуром, Сковорода полагает, что «Блаженная натура» (Бог, скорее, в пантеистическом понимании) сотворила легким достижение нужного человеку и непомерно тяжким — ненужного.

Хотя мировоззрение Сковороды формировалось на основе Библии и под влиянием античной философии (платонизм, стоицизм и т.д.), оно прежде всего выражало в завершенной форме стихийное народное мирочувствование. Один из основополагающих принципов трудовой этики философа — «сродный труд» (другой — «равное неравенство») — опирался на извечную украинскую культурно-моральную традицию свободного труда по призванию как условия счастливой жизни. А распознать «сродный» тип деятельности можно только путем созерцательной саморефлексии, которая к тому же сегодня, как никогда, актуализируется в социально-политическом и социально-педагогическом аспектах. Самосозерцание, чреватое самопознанием как в общенациональном ключе (на уровне философской рефлексии), так и в конкретно-индивидуальном, обязательно для создания гражданского общества и государства, отвечающих менталитету нации и способных обеспечить плодотворную актуализацию творческого потенциала народа. Социальная педагогика в свою очередь должна деликатно помочь подрастающему поколению в поиске подлинного призыва, «сродности». В сущности, не только Г.С. Сковорода, но все исследователи украинской психики, опираясь на весь массив культурных достижений цивилизации, учитывают, несомненно, и результаты саморефлексии созерцательного плана.

Таким образом, господствующими ментальными установками мировосприятия и миропонимания украинцев выступают все виды рефлексии, исключая аскезу: активно-рефлексивные установки на наслаждение, всемерные радости жизни и на самоформирование; непо-

средственная рефлексивная установка, позволяющая «остановить мгновение», которое воспринимается как соразмерное вечности, а потому — самоценное; созерцательно-рефлексивная установка, нацеленная на постижение внутреннего «Я» и «сродного» типа деятельности.

Указанная рефлексивность, сопряженная с эмоциональной страстью, позволяет пережить «временение» во всех проявлениях бытия, определяет жизнелюбие и жизнеспособность нации. Однако подчас она препятствует, как отмечалось выше, рациональной, взвешенной и последовательной, практической деятельности, в частности и целенаправленному реформированию социума. Это происходит обычно в случае потери самоконтроля и одностороннего гипостазирования той и иной ментальной ориентации. Так, активно-рефлексивная установка на наслаждение может перерости в гедонизм, стремление исключительно к личному благополучию и культ бытоустройства, а сосредоточенность на самоформировании — в полный отрыв от реальности. Непосредственная рефлексивная установка с ориентацией на самоценность настоящего способна привести к потере интереса к будущему. В целом это предопределяет безразличие к задачам общегосударственного строительства, невостребованность в сегодняшней Украине стратегии, крупномасштабных замыслов, задающих абрис грядущего. Наконец, гипостазированная созерцательно-рефлексивная установка может «замкнуться» на самокопании, в результате чего осознаваемый «сердечный» человек так и не реализуется в «сродном» труде.

Одновременно рефлексивность и эмоциональность украинской натуры в состоянии существенно повысить концентрацию энергии на определенном отрезке времени, обеспечив блестящий результат. Речь идет о ситуациях, в которых рефлексия смыкается с активно-предметной установкой, эмоции пробуждают энтузиазм реальных свершений (например твор-

чество, способное дарить величайшее наслаждение, самоформирование в трудовом процессе и т.д.).

* * *

Напоследок предельно коротко попытаемся сопоставить ментальность украинцев и россиян, что в какой-то мере должно прояснить сходство и различие судеб, путей и перепутий двух братских народов.

Украинцев и россиян нерасторжимо объединяет духовность православия, усматривающая смысл жизни не в ажиотажном обогащении, а в подлинности благодатного бытия, преображающего душу в ее восхождении к идеалу. Оттого истинная культурная элита наших стран в безумном «беге наперегонки» к «прихватизации» общегосударственной собственности не участвовала. Богатство стало уделом контркультурных, аморальных (с позиций отечественной духовной традиции) элементов.

Далее, украинцев и россиян роднит отвечающая восточно-христианской духовности «кордоцентрическая» формация души, существенно повышающая рефлексивность и относительно ограничивающая роль рационально-волевого начала в pragmatistском активно-деятельностном преобразовании предметной реальности. Объективный результат деятельности особо значим для тех и других только в качестве катализатора известных эмоций. Эта особенность психики существенно отличает нас от западноевропейских народов с их пиететом Ratio и делает неконкурентоспособными в погоне за прибылью ради еще большей прибыли, в стяжательстве, обретающем смысл жизненное значение. Отсутствие массовой нацеленности на обогащение, как отмечалось выше, сыграло решающую роль в крахе попыток реформирования общества по западному образцу.

Невзирая на общность духовности православия и чувственно-эмоционального, рефлексивного характера ду-

ши, ряд ментальных установок двух братских народов весьма различен. В России жестокая супровость безлюдных необъятных просторов рождала ощущение дисгармоничности бытия, ориентированная на общинность, властную деспотию, крепостничество, а также на агрессивную экспансию вовне и разбой. «Рай» здесь воспринимался как «потерянный», однако перспектива его обретения путем поиска Града Китежа на дне Беловодского озера либо оптимального переустройства социума под руководством авторитарного лидера выглядела небезнадежной.

Интересно воссоздание Н.А. Бердяевым образа русского народа, русской души, адекватной изначальному божественному «смыслополаганию» культуры, ее предназначению. Она отвечает русской идеи судьбы, предопределяющей феноменальное многообразие культурной целостности в различных исторических коллизиях [11, 15]. При соединяясь к словам Ф.И. Тютчева «умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать, в Россию можно только верить», Бердяев для постижения души русской культуры (личности) опирается на теологальные веру, надежду, любовь. Следует отдать должное философу: осмысливая особенности русской души, проявленной в национальном характере, он демонстрирует исключительную наблюдательность и глубокую проницательность. Современные исследования этого вопроса, как правило, опираются на него [16, 17]. Далее Н.А. Бердяев, анализируя развитие отечественной философской мысли, интерпретируя решающие события российской истории и культуры, в качестве исходной точки объяснения берет «постигнутый разумом образ русского народа» (русскую душу) в его соотношении с русской идеей, или первоначальным «запыслом творца о России».

В русской душе могучая анархо-свободолюбивая интенция, замешанная на

поиске Святой Руси, праведного царства Христового, поразительно соединена с общинно-родовым самосознанием. Последнее на уровне философской рефлексии (славянофильство) нашло свое выражение в патриархально-органичной теории общества. В результате идеал свободы, дионаисийски пренебрегающей всей аполлоновской взвешенностью рассудочных предписаний, парадоксально сосуществует с растворенностью особы в коммунистическом, общем хоровом начале, послушном палочке дирижера — «патриарха». А потому — с готовностью человека властвовать и подчиняться власти. С этим соединяется максимализм как безудержное стремление в любом начинании к беспределу, крайности, хроническое ощущение дисгармоничности бытия и страстное стремление к трансцендентному — будущему. Отсюда понятно, что именно русская душа (на всех уровнях образованности) была той благодатной почвой, на которой семена марксизма-ленинизма должны были прорасти пышным цветом.

В чем же различие ментальных установок мировосприятия и миропонимания украинцев и россиян? Как уже говорилось, украинской ментальности присущ четко выраженный индивидуализм, предполагающий частную собственность (условие личной независимости) и сопряженный с идеями равенства (возможностей) и недопустимости властного насилия. Однако в силу исторически сложившейся недостаточной интровертированности социально-коммуникативной базы (в качестве предпосылки собственной государственности) он чреват, к сожалению, не консолидацией сограждан в традициях европейского пути развития, а их разобщенностью. Это существенно затрудняет объединение «малых сообществ» в демократический союз-государство с рыночной экономикой. В результате, преодолев тоталитаризм и, будем надеяться, авторитарные тенденции в устроении социума, мы не смогли обеспечить его оптимального реформирования и по сей день сражаемся с регулятивным вакуумом и анархией.

В России же общинно-родовое самосознание, порождающее готовность властвовать и подчиняться власти, привело вновь на рубеже тысячелетий к извечному авторитаризму, сохраняющему угрозу тоталитаризма. Отсутствие правовой демократии компенсируется, однако, сильной государственностью, опирающейся на единоначалие и легитимные рычаги управления в различных сферах жизнедеятельности. Одновременно общинное «хоровое» начало, поглощающее индивидуума, содействует коммунитарной спайке, порождает доверие друг к другу и взаимоподдержку, что укрепляет союз-государство, а в сфере бизнеса ведет к крупным корпоративным объединениям.

Превалирующие в психической структуре украинцев и россиян рефлексивные установки при некоторой общности также весьма различны. Общей является прежде всего активно-рефлексивная установка на самоформирование. Это объясняется тем обстоятельством, что великие европейские идеи «ордо» (порядок жизни и мысли римского католицизма), ренессансного персонализма, просветительского сцентизма, докатившись до «обочины» — Украины и России, — подверглись существенной трансформации. Они были основательно откорректированы с позиций общей для этих регионов православно-философской традиции (об этом шла речь выше). В итоге только укрепилась устойчивая ориентация на интенсификацию внутренней жизни с целью самоформирования при опоре на благостную идею Правды как истины и справедливости. Подобная активно-рефлексивная установка украинцев и россиян на самоформирование предполагает и соответственно общую для двух братских народов созерцательно-рефлексивную установку на самонаблюдение.

В оптимальном варианте обе эти установки способны повысить эффективность предметного освоения мира: самоформирование может совершаться в трудовом процессе, повышая его результативность, а самонаблюдение содейство-

вать распознанию «сродного» вида деятельности. Однако нередко мы наблюдаем противоположное. Самоформирование оборачивается уходом из враждебной обыденности в собственную «душу и судьбу», а самонаблюдение — самокопанием и потерей интереса к внешнему окружению. Конечно же, в целом это ослабляет целенаправленную рационально-прагматистскую деятельность по реформированию социума.

При указанной общности налицо и существенные различия в характере рефлексии восточных славян. Так, положительное коллективное бессознательное украинцев, определяющим архетипом которого выступает образ ласковой плодородной Земли, лишает их мировосприятие агрессивной экспансионистской активности, придает ему характер мягкой созерцательности, сочетающейся с установкой на плодотворное сотрудничество с природой в процессе свободно избранного «сродного» труда. Что, в свою очередь, имплицирует создание личного «райя» с ориентацией на упоение радостями жизни (в том числе и в творчески-трудовом процессе). Эта ориентация перерастает подчас в активно-рефлексивную установку на наслаждение и далее — в гедонизм и культ бытоустройства. Последние крайности, естественно, исключают участие в решении наболевших общезначимых государственных проблем.

В России же жестокая суровость бескрайних и безлюдных просторов порождает ощущение дисгармоничности бытия, которое существенно усиливается и довлеющей над человеком властной деспотией. Формируя коллективное бессознательное, оно определяет принципиально иной тип рефлексии: склонность к максимализму, если не к загулу и разбою, то к аскезе. Откровение приходит под разными личинами. Порой дух божий нисходит на людей богатых и могущественных, преследуя их с неотступным упорством, покуда

они не отрещаются от милостей жизни и женской любви во имя суворого монашества. Мягкой же созерцательности и радостям любимой работы украинцев противостоит мужественное покорение неизведанных просторов россиянами, агрессивный экспансонизм государственной политики.

Наконец, последнее. С непосредственной рефлексивной установкой украинцев на самоценность переживаемого настоящего, соразмерного вечности, контрастирует российская ориентация на преходящее «здесь и теперь», которое всего лишь «миг между прошлым и будущим», что порождает неодолимую тягу к незримому, ускользающему трансцендентному (горний мир, коммунистическое «завтра», возрожденная единая и неделимая Россия и т.д.). Поэтому если в России налицо крупномасштабная стратегия внутренней и внешней политики, то в Украине вся энергия лидирующего меньшинства брошена на обустройство сегодняшнего дня «спільноти», клана. Государственное мышление не выражено, судьбоносные замыслы и дела отсутствуют, продолжается извечное круговорщение в условиях анархичной разобщенности.

Указанные (как и некоторые другие) различия в ментальности россиян и украинцев, осложненные тяжкими воспоминаниями об исторической несправедливости, подчас вели к взаимному непониманию и противоборству. Однако, как справедливо указывает Ю.Н. Пахомов, «это — пласт поверхностный, во многом сформированный на подмене причин и факторов, а также на идеологических спекуляциях (ведь режим, калечивший украинцев, калечил и русских). В глубинах же генетики заложены восходящие к нашим дням токи взаимного тяготения, которое при условии опоры на взаимодополняемость может дать импульс высокоэффективному взаимодействию. Именно во взаимодополняемос-

ти черт характера, а не только лишь в разорванных и подлежащих восстановлению научных и технологических связях заложен не используемый пока что интеграционный потенциал, который восполнить... нечем» [18].

В результате актуализации этого интеграционного потенциала в свое время была создана единая (хотя и двуязычная) мощная культурная традиция, фундированная духовностью православия и общей для украинцев и россиян «кордоцентричной» формацией души. В рамках этой традиции творили многие украинские представители «русской религиозной философии» и ряд крупнейших русскоязычных писателей Украины. Предпосылкой подобного синтеза стало то обстоятельство, что Украина (Малороссия) столетиями входила в состав России, в которой единственным государственным языком был русский, а Киев был одним из ведущих интеллектуальных центров империи.

Культура Киева (как и большинства прочих крупных городов Украины) — поразительно интересный и своеобразный феномен, который в своей целостности не изучен. Он только еще подлежит бесстрастно-научному анализу, осмыслению и осознанию. Потомственные киевляне представлены, как правило, этнически смешанными семьями, в которых переплелись ментальные установки украинского, русского, польского, еврейского и некоторых других народов. Превалирует, естественно, украинский национальный тип, постоянно подпитываемый выходцами из окружающих сел и провинций. Киевская интелигенция в основном двуязычна и в своем духовном поиске опирается не только на переданное Византией наследие Акрополя и Голгофы, не только на культурные шедевры в украиноязычной традиции (Г. Сковорода, Т. Шевченко, О. Українка, И. Франко и другие), но и на весь массив мировой культуры, доступный преимущественно в русских переводах, и на многонациональную русскоязычную

культуру в ее совершеннейших образцах (А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь, Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Блок, А. Ахматова, В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, М. Булгаков и другие).

Нынешняя идеологическая борьба с этим «зарубежным» влиянием не только бессмысленна (ведь воюют не культуры, обогащающие друг друга, а бряцает саблей бескультурье), но и опасна. Ибо означает расторжение культурной преемственности, разрыв «связи времен», потерю невосполнимых пластов нашего духовного наследия, существенное уничтожение творчески-созидающего потенциала народа. Приведем некоторые факты и соображения в пользу органичной слитности и нерасторжимости философско-литературной традиции украинцев и россиян.

Украинский философ XVIII века, странствующий мудрец и учитель жизни Григорий Сковорода разрабатывал свое учение как «кордоцентризм», «философию сердца», исполненного любви (об этом говорилось выше). Отвлеченное познание для него не имело смысла, ибо цель человека — *истинно быть*, восходя к божественному идеалу. Украинский философ Памфил Юркевич, преподававший философию в Киево-Могилянской академии (1951—1861) и Московском университете (1861—1873), продолжил и развил это направление. Он окказал серьезное влияние на своего ученика — крупнейшего российского философа В.С. Соловьева (потомка Сковороды), а через него — и на всю литературно-философскую элиту серебряного века.

В начале XX века в Киеве был хорошо известен кружок философа-неокантианца Г. Челпанова, из которого вышли многие оригинальные мыслители новой генерации. В их числе такие величины, как Н. Бердяев и Л. Шестов. Кстати, брат Н. Бердяева Сергей Бердяев — украинский поэт, известный киевский литературовед и театральный критик. Долгие годы в нашем городе проживали С. Булгаков, В. Зеньковский, Д. Чижевский и другие

представители «нового религиозного сознания». Здесь, в сущности, проходило их духовное становление. Поэтому можно с полным правом утверждать: религиозно-философское движение серебряного века и его уникальное продолжение за рубежом — не только общероссийский, но и непосредственно киевский феномен. Это — наше духовное богатство, переосмысление и развитие которого в годину недоброго времени может стать якорем спасения, вывести нас из тупика бездуховности, неверия и пессимизма.

Особо интересен феномен Н.А. Бердяева. Страстный гимн свободе (личностного творчества), исполненный в свое время мыслителем, был услышан на всех континентах. И мир на какое-то мгновение замер: он был потрясен и зачарован... Действительно, это понятие фундирует все поразительные эссе Бердяева. Философ утверждает: свобода изначально имманентна личности (для метафизического обоснования данного тезиса он вводит понятие Бездны — *Unggrund*). Оплодотворенная Духом она подвигает человека на вдохновенное творчество в контексте любви, преобразующее не только его самость, но и мир, утверждающее персоналистический социализм как путь к Богочеловечеству.

Отчего именно Бердяев стал всемирным глашатаем свободы? Ведь он был изгнаниником от века деспотичной державы, он «видел рабскую Россию перед святыней алтаря, гремя цепями, склонивши выю, она молилась за царя»...

Расхожее мнение сводится к тому, что вынужденная эмиграция обрекла философа на беспочвенное, внеиерархическое существование, а это, в свою очередь, заставило его искать опору только во внутреннем «Я», в свободном духе личности, определяющем бытие. Вероятно, это правда, однако не вся.

Приведенная точка зрения не учитывает чрезвычайно важного обстоятельства. Бердяев — киевлянин, и его духовное становление, как и формирование в

качестве философа-исследователя, проходило как раз на «родной почве», в частности в творческой атмосфере Киевского университета Святого Владимира. Требованием свободы творческой личности как главного действующего лица истории пронизан, напоен воздухом древнего Киева, которым с раннего детства дышал наш великий соотечественник. В силу рассмотренных выше особенностей психической структуры украинца, ориентированного на Волю, Правду, Долю, а также двойного гнета (на социальной налагалася национальный) с приближением революции 1917-го личностная духовность в нашем городе становилась все напряженней, все выстраданней, все свободней, все индивидуальней (что не исключало по-новому толкуемой соборности религиозного сознания). Это и определило в существенной мере тематическую направленность «вопрошаний» и ответов философа, тенденциозную содержательность его блестящих работ, столь близких нам и актуальных сегодня. Ведь ныне мы вновь, как и в те далекие годы истекшего века, на развилке дорог, пытаемся в сумерках разглядеть Путь к Храму, памятую библейское — «свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Невозможно разграничить не только общую для украинцев и россиян философскую, но и литературную традицию. Ведь многие талантливейшие русскоязычные художественные произведения написаны нашими соотечественниками и пронизаны украинской ментальностью. Возьмем хотя бы творчество Н.В. Гоголя. Вспомним теплоту, с которой запечатлен сказочный колорит его родимого края в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», народную героику и апофеоз свободы в «Тарасе Бульбе», гомерический (но не оскорбительный) хохот над типичным для тогдашней России («Ревизор», «Мертвые души»), нравственный пафос «Выбранных мест из переписки с друзьями», где писатель продолжил

страстную сквородинскую проповедь самоуглубления и самосовершенствования, поиск внутренней свободы, когда «Я» гармонизует безбрежный микрокосм человеческой природы, совместной со столь простыми и естественными благами, как глоток воды. Отбросив народничество в его уваровском, славянофильском и западническом вариантах, он первый в истории философской и общественной мысли в России заговорил о любви непосредственной и именно с нею связал историческую миссию России (Украины). Только страдание, проницающее ее трагическую судьбу, открывает путь к состраданию и далее — к подлинной любви, которая и есть красота, спасающая мир (Ф. Достоевский). Оттого Отчизна наша как безрадостная дорога с уныло-тоскливой песней ямщика способна чудесно преобразиться в дорогу, по которой мчит сказочная птица-тройка, несущая всемирное обновление, открывающая эру одухотворенного человечества.

При этом Гоголь посягает на десакрализацию Иисусовой любви, усматривая миссию Христа не в окутанном мистической тайной «пришествии», а в явлении человеческого начала в человеке. Сутью религии оказывается выход за пределы эгоистической ограниченности каждого и бескорыстная земная любовь к ближнему (любовь «просто так»). Сюда восходят и достоевщина, и толстовство, и бердяевщина (Гоголь предвосхитил авторов сборника «Вехи» 1909 года, которые резонно считали его одним из своих предшественников), и булгаковская история проповедника Ешуа Га-Ноцри, неправедно осужденного прокуратором Иудеи Пилатом Понтийским. Все они опираются на мысль: «Царство Божие внутри нас», а незримые ступени к нему — культурные свершения народов, одухотворяющие человечество, обращающие его в Богочеловечество.

Рационально-проповеднический пласт произведений писателя, возродившего дух странствующего киево-могилянско-

го философа Григория Сковороды, сочетался с карнавально-смеховым. Корни же последнего уходили в украинское барокко и далее — в народную ярмарочно-смеховую культуру. Это сочетание, казалось бы, несочетаемого и создавало то особое захватывающее напряжение, которое по сей день не отпускает читателя и свидетельствует о великой художественной силе творческой индивидуальности Н.В. Гоголя.

А как можно считать «зарубежным» писателем русскоязычного киевлянина Михаила Булгакова с его тревожной палитрой гетманского Киева в «Белой гвардии», с его Маргаритой, которая в ответе за все — за свою судьбу и участь Мастера? Ради сохранности трепетной и высокой любви своей она готова обратиться в ведьму и исполнить повеления самого дьявола (оказавшегося, впрочем, не столь уж коварным, сумевшим по достоинству оценить безысконную жертвенность героини). Маргарита — типичная украинка, издревле созидавшая и охранявшая домашний очаг, подчас рискуя жизнью и не страшась смерти. Она очень мало походит на классические образы пленительных россиянок — Татьяны Лариной и Наташи Ростовой, Анны Кацериной и Грушеньки.

Потуги разорвать по языковому признаку очерченную выше единую украино-русскую философско-литературную традицию равносильны стремлению варварски расчленить духовную целостность, не деформировав при этом ее сути, что невозможно, обречено на провал. И впрямь, народу, столетиями созидавшему шедевры на двух языках, предлагают отказаться от собственного творчества, от прозрений и свершений его лучших представителей, покорно довольствоваться «великодушным» разрешением властей использовать русский на бытовом уровне.

Да разве дело в нежелании либо неумении говорить по-украински? Интеллигенция Киева (как и большинства других культурных центров Украины) — двуязычна и в зависимости от языковой сре-

ды свободно и с удовольствием изъясняется и на русском, и на украинском. Проблема в ином: властвующая идеологическая «элита», прикрываясь словоблудием на темы свободы и демократии, упорно стремится насильственно деконструировать внутреннее «Я» образованного украинца, трансформировать человека в «национал-патриотическую» марионетку, послушную командам Центра и ограниченную в своем творческом поиске рамками соответствующей украиноязычной продукции. Это и вызывает все возрастающее возмущение.

Призыв к адекватной замене русского английским — от лукавого. Английский — язык иной, североатлантической, цивилизации. Оттого для нас возможно его формальное освоение, продуцирующее только относительную эмпатию как «вчувствование», проникновение в душу чуждой культуры. Да и доскональное формальное овладение английским — удел немногих, в основном детей ну-вoriшей, получающих образование за границей. Для детей же нищенствующей отечественной интеллигенции, как и всего народа, путь в духовную культуру человечества один — посредством русского.

Действительно, на этом языке представлена значительная часть религиозно-философского, литературно-художественного, фундаментально-научного и научно-технологического творчества украинцев и других народов СНГ, культура братской России, на русский же переведена вся мировая классика, созданная человечеством в течение нескольких тысячелетий. Абсурдный, иррациональный отказ от подобного наследия способен если не погубить полностью, то основательно подорвать творчески-созидательный потенциал народа.

Страшно подумать, без знания русского у нас, в сущности, не могла бы развиваться философия: от Платона и Аристотеля и до нынешних постмо-

дернистов она представлена только в русских переводах. То же можно сказать и о прочих областях знания. Более того, перемещение русского в ранг «иностранных» и целенаправленный отказ от его изучения нарушает преемственность в развитии отечественной науки, а духовное формирование наших детей и внуков, предпосылкой которого было, в частности, чтение А. Пушкина и Н. Гоголя, Л. Толстого и Ф. Достоевского, В. Соловьева и Н. Бердяева, А. Блока и М. Булгакова, И. Бунина и В. Набокова и многих-многих других, заменяет компьютерными играми, ориентирующими на бездуховность и агрессию. Подобная невосполнимая гибель культуры, означающая «закат Украины», может стать невиданным по размаху преступлением века, по своему резонансу намного превосходящим известную высылку из России в 1922 году «философского парохода» В.И. Лениным.

Вспомним ужасающую картину манкуртизации в повести братьев Стругацких «Новое пришествие марсиан». Высадившись на Землю, они продвигаются по нашей планете с поразительной скоростью, захватывая все новые и новые города. Земляне почти не оказываются сопротивления. Но отчего? Дело в том, что пришельцы не уничтожают местное население, а «покупают» его, обрекая на дегенерацию. За более высокий комфортный уровень праздной жизни аборигены должны всего лишь раз в неделю сдавать желудочный сок. Ни чувства, ни мысли, ни действия при этом не требуется. Большинство наших легкомысленных собратьев не только радостно приветствует подобный материально обеспеченный и беззаботный образ жизни, но и безжалостно уничто-

жает непокорных — разрозненные группы противоборствующих интеллигентов. Свои, обращаясь в манкуров, убивают своих же.

Не хочется думать, что нас ожидает нечто подобное, с той лишь разницей, что фантастическое амплуа «дойной коровы» будет заменено вполне реальной ролью забывшей Предание и поправшей собственное достоинство обслуги западных фирм, сбывающих на нашей земле свой залежалый товар. Будем надеяться, что прославленный здравый смысл украинцев все же восторжествует над позорной русофобией. Следует спокойно признать: украинская культура столетиями развивалась в двух языковых традициях, а потому нерасторжимо связана с русскоязычной цивилизационной культурой, а весь неисчерпаемый огромный массив мировой культуры доступен нам в основном в русских переводах. И неважно, каков будет статус русского языка — «официальный» или «второй государственный». Главное, чтобы он, наряду с украинским, стал обязательной составляющей образования подрастающего поколения, открывающей путь к духовному наследию и современному творчеству — нашему собственному и народов мира.

Только таким образом возможно сохранить подлинное обличье Киева (а вместе с ним и всей Украины) как огромного мегаполиса, который, подобно древней Александрии, Риму и Византии, Москве и Нью-Йорку, питается множеством культурных истоков, синтезируя их на основе украинской ментальности, и порождает тот удивительный феномен, который мы называем Соборным Духом Украины. В противном случае мы рискуем однажды проснуться на поэтичном, родном и задушевном, но все же — «хуторе близ Диканьки».

1. Пахомов Ю.Н., Крымский С.Б., Павленко Ю.В. Пути и перепутья современной цивилизации.— Киев, 1998.
2. Шлемкевич М. Душа і пісня // Українська душа / Під ред. В. Храмової.— К., 1992.— С. 109.
3. Jung C.G. Instinct and the Unconscious // Portable Jung / Ed. by J. Campbell.— 1971.— № 5.— P. 57.
4. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии.— 1988.— № 1.— С. 137—184.

5. Храмова В.Л. Учение К.Г.Юнга об архетипах коллективного бессознательного в историко-научной ретроспективе // Очерки истории естествознания и техники.— 1991.— № 39.— С. 99—111.
6. Джангузин Р.Н. «Оранжевые» политтехнологии как конструкт «управляемой свободы» // Collegium.— 2005.— № 19.— С. 202—219.
7. Окара А. Золотое сияние Оранжевой революции, или как архистратег Михаил заступился за Украину // Зеркало недели.— 2004.— № 52.— С. 4.
8. Бердяев Н. Воля к жизни и воля к культуре // Философская и социологическая мысль.— 1989.— № 11.— С. 89.
9. Там же.— С. 97.
10. Данрилевский Н.Я. Россия и Европа.— М., 1991.
11. Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии.— 1990.— № 1.— С. 111.
12. Бердяев Н.А. Судьба России.— М., 1918.
13. Трифонов Ю. Собр. соч.: В 4 т.— М., 1987.— Т. 4.
14. Jaspers K. Psychologie der Weltanschauungen.— Verl.— Berlin: Springer, 1925.
15. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма.— М., 1990.
16. Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии.— 1990.— № 4.— С. 3—6.
17. Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире // Новый мир.— 1991.— № 1.— С. 3—9.
18. Пахомов Ю.Н. Мировые цивилизации и отечественный парадокс // Софія.— 2005.— № 2—3.— С. 19—20.

Получено 27.03.2007

В.Л. Храмова

Ментальні передумови українського парадоксу

Визначено пануючі ментальні установки світогляду українців, їх вплив на історичну долю народу, схарактеризовано специфіку формування української психіки, її архетипи. З цих позицій аналізується Померанчева революція наших днів, співставляється ментальність українців і росіян. Показано культуру Києва як своєрідний її у своїй цілісності ще не досліджений феномен, спільні для українців і росіян філософські та літературні традиції, зокрема на прикладі М.Бердяєва і М.Гоголя, значення російської мови для українців як шляху в духовну культуру людства.